

Чиначара-тантра

Автор:

священный текст

Чиначара-тантра

священный текст

Сакральные тексты Древней Индии

«Чиначара-тантра» – священный текст тантрической традиции, посвященный культу богини Тары, почитаемой как в индуизме, так и в буддизме. Местом возникновения текста являются, скорее всего, Бенгалия или Ассам, где издревле были распространены культы грозных женских божеств. В тантре рассказывается, что мудрец Васиштха, потерпев неудачу в аскетических практиках, обращается к Вишну в облике Будды, который возглашает ему предписания пути чиначары. Основой этого пути являются трансгрессивные практики, включающие почитание женщины как воплощения Богини.

Перевод снабжен предисловием, комментарием и словарем предметов и терминов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Чиначара-тантра

Сакральные тексты Древней Индии

Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. А. Игнатьева

© Андрей Игнатьев. Перевод, 2021

© ООО ИД «Ганга». Оформление, 2021

Предисловие

Вашему вниманию представляется перевод с санскрита на русский язык Чиначара-тантры (в дальнейшем – ЧЧТ). Это небольшой (всего 227 шлок, разделенных на пять примерно равных по объему глав) текст, принадлежащий к бенгальско-ассамской вамачарской традиции и посвященный культу богини Тары. Эта богиня выступает здесь высшим божеством, а ритуальная практика ее почитания именуется чиначарой (другие названия – махачина-крама, чиначара-крама, чина-крама).

Впервые ЧЧТ была опубликована в 1874 г. Расиком Моханом Чаттерджи вместе с РЯТ и «Тара-рахасьей» Брахмананды (XVI в.). Для этих публикаций были использованы манускрипты, найденные в Бенгалии [Bhattacharyya 2005: 107]. В 1970 г. новое издание ЧЧТ (под названием «Маха-Чиначара-сара-тантра») увидело свет в Аллахабаде [Maha-Cinacara-sara-tantra 1970]. В 1996 г. еще одно издание тантры было опубликовано в составе сборника «Тантрасанграха» [CinacaraTantra 1996]. Мною же было использовано бенаресское издание памятника, вышедшее в 2018 г. [Cinacaram 2018]. Это издание содержит комментарий на хинди «Нирмала», автором которого является Рупеш Кумар Чаухан (комментарий, кстати, назван так по имени супруги автора [Ibid.: 28]). К сожалению, мне оказался недоступен перевод ЧЧТ на немецкий язык, выполненный Марион Майсиг [Meisig 1988].

Л. Бернацки включает ЧЧТ в состав группы тантрических текстов, объединенных как предполагаемым местом происхождения (Бенгалия и Ассам), так и мировоззренческой направленностью. В эту группу также входят такие тантры,

как ГТ, ГСТ, МТ, НСТ, ПКТ и ЙониТ. Во всех этих текстах постоянно говорится о необходимости почитания женского начала. Это отношение составляет часть особой практики, именуемой Бернацки «KaliPractice», в центре которой находится женщина [Biernacki 2007: 13, 150].

На бенгальско-ассамское происхождение памятника указывает упоминание в нем знаменитой питхи Камакхья на горе Нила, расположенной как раз в Ассаме (старинное название страны – Камарупа). Питхами (pi?ha, букв. «пьедестал») именовались святые места шактистов, возникшие там, где, согласно общераспространенному преданию, упали члены тела богини Сати, после того как она погибла, не вынеся оскорбления, нанесенного ее отцом Дакшей Шиве). В Камарупе упала йони – лоно Сати [Еск 2012: 257–300], благодаря чему это место считается наделенным особенно мощной энергией. В Ассаме издревле были распространены культы грозных богинь, оргиастические обряды и магия. Недаром М. Элиаде назвал Ассам «тантрической страной» par excellence [Элиаде 2012: 213; Kakati 1948: 1].

Кроме того, в тексте ЧЧТ мудрец Васиштха (vasi??ha) именуется Вашиштхой (vasi??ha). Эта фонологическая особенность, на которую указывает Л. Бернацки, характерна именно для северо-востока Индии, и подобное мы наблюдаем также в БНТ [Biernacki 2007: 154, 244].

ЧЧТ – достаточно позднее произведение, по мнению М. Майсига и Г. Бюнеманн, оно было создано около 1700 г. [B?hnemann 1996: 476]. А. Паду относит его к XVII в. [Tantrikabhidhanakosa 2004: 249]. Присутствие Вишну в ЧЧТ позволяет отнести ее к группе тантр, отмеченных влиянием вишнуизма. Гудриан даже называет эти тантры «Kali-Vi??u Tantras» [Goudriaan 1981: 82]. По его мнению, данные тантры были созданы после вишнуитского возрождения в XVI в., связанного с именами Чайтаньи и Шанкарадевы. Это дает основание предположить, что ЧЧТ возникла с XVI по XVIII вв. [Biernacki 2007: 157–159].

Китай, Тибет, Монголия?

Само название памятника представляет большой интерес. Слово *cina* обычно на санскрите означает «Китай» (во множественном числе – «китайцы») [Apte 1988: 210, Monier-Williams 2005: 399] (от названия первой династии китайских

императоров Цинь, отсюда происходит и английское China), а слово асара – «поведение, способ действия, обычай, практика» [Apte 1988: 77]. В МндхШ (10.44) чина упоминаются в перечне племен кшатриев, ниспавших до состояния шудр из-за нарушения священных обрядов и неуважения к брахманам [Законы 1992: 219]. Таким образом, получается нечто вроде «тантры китайского пути».

Кроме того, в тексте фигурирует слово mahacina (букв. «великий Китай») [Monier-Williams 2005: 795], а сам текст носит еще названия «Махачинасара-тантра», «Махачиначарасара-тантра» и «Ачарасара-тантра» [Goudriaan 1981: 23].

Исследователи обычно считают, что Чина и Махачина служат названием одной и той же страны. Х. Шастри, оспаривая утверждение, что Чина – это Китай, указывает, что в легендах о приходе Васиштхи в Махачину, содержащихся в ЧЧТ и других текстах, всегда говорится о склонах Гималаев, стало быть, речь идет о районах Тибета, граничащих с Индией [Shastri 1998: 14–15]. По мнению Б. Какати, Махачина – это Тибет [Kakati 1948: 31]. Туччи отождествляет Чину с Канаваром в долине реки Сатледж [Tucci 1971: 549–550]. Бхарати полагает, что Чина охватывала все земли к северу от Гималаев, Тибет и по меньшей мере части Монголии и Западного Китая. Он указывает на то, что Угратару в ПКТ называют «почитаемой северянами» (auttariyai? aradhita). Исследователь считает, что речь идет именно о тибетцах, но не о кашмирцах или непальцах, потому что эта богиня не почитается ни в Кашмире, ни в Непале [Bharati 1975: 60–61, 79]. По мнению Багчи, Чина – это Монголия [Bagchi 1939: 46–47], в то время как Леви указывает на Китай [Levi 1905: 347]. Сиркар на основе собственной интерпретации ШСТ (III. 7.48–49) отождествлял Чину с Тибетом и Махачину с Китаем [Sircar 1971: 103–104]. Согласно же Д. Уайту, слово mahacina могло использоваться одновременно для обозначения Китая и Тибета [White 1996: 64]. А Паду полагает, что под этими обозначениями скрывается Ассам или же, возможно, Тибет [Tantrikabhidhanakosa 2004: 249].

Хотя термин «чиначара» встречается уже в РЯТ (16.25; 64.55–65, 113), связанные с чиначарой обряды подробно описываются только в НилаТ (главы 9–10) и особенно в ЧЧТ [V?hnemann 1996: 476]. Кроме того, чиначара упоминается в ЙониТ (8.9–10) и БНТ (4.106). Ссылаясь на мнение ряда исследователей (Леви, Багчи, ван Гулик), Н. Бхаттачарья полагает, что термин «чиначара» связан с тем, что индуистский тантризм может являться плодом китайского (прежде всего даосского) влияния [Bhattacharyya 1960: 143; Bhattacharyya 2005: 98–109]. Он также обращает внимание на то, что излюбленный цветок Богини – это java – гибискус, или китайская роза [Ibid.: 109]. Кроме того, в другом месте

исследователь высказывает предположение, что слово *mahasina* может обозначать «Монголия» [Ibid.: 111]. Сходной точки зрения придерживается и А. Паду, утверждающий, что чиначара, без сомнения, имеет буддийское происхождение [Tantrikabhidhanakosa 2004: 249], а ранее подобное утверждали С. Леви и ван Гулик [ван Гулик 2000: 388].

Однако, по мнению Л. Бернацки, термин «чиначара» вовсе не свидетельствует о китайском или тибетском происхождении описываемых в тантре ритуально-мистических практик, скорее, это проявление средневекового «ориентализма», когда нечто необычное или осуждаемое обществом связывалось с жителями периферии или с соседями. Исследовательница указывает на то, что реальные практики, распространенные в Китае и на Тибете, совершенно не напоминают те, которые описаны в ЧЧТ [Biernacki 2007: 32]. В подтверждение мнения Л. Бернацки можно привести следующий аргумент. Как известно, в даосизме и буддийском тантризме (в отличие от индуистского) в ритуале исключается семяизвержение [ван Гулик 2000: 63–64, 162–163; Bharati 1975: 265]. В ЧЧТ, напротив, извержение семени, именуемое «полным подношением» (*pur?ahuti*), выступает неотъемлемой частью ритуально-мистической практики. Что касается тенденции переносить все «нехорошее» на соседей, то уже в Мбх оргиастические праздники и употребление алкоголя приписываются народностям, жившим на периферии индоарийской культуры: мадрам и бахликам (VIII. 27.71–91; 30.14–33) [Махабхарата 1990: 101–102; 110–111]. А у многих народов Европы такое пугающее явление, как магия, часто связывалась с соседними этносами. Так, русские считали самыми сильными и опасными колдунами представителей финно-угорских племен (карелы, финны, мордва). Вспомним хотя бы волшебника Финна из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»! В это время карелы смотрели на лопарей как на коварных чародеев. Сами же лопари были такого же мнения о своих соседях – шведах. И все европейцы приписывали магические способности цыганам [Токарев 1990: 452]. Так и в головах индийцев могли возникнуть представления о связи культов грозных божеств и «запретных» обрядов с их китайскими и тибетскими соседями. Заметим, что в буддийских источниках, где речь идет о Таре, упоминание о каких-либо трансгрессивных ритуалах вообще отсутствует. В индуистских же тантрах, напротив, акцент делается на том, что Таре поклоняются не на пути Вед, но прибегая к трансгрессивным ритуалам [B?hnamann 1996: 476]. Мнение о том, что индуисты могли целенаправленно «сослать» за высокие Гималайские горы культы и практики, противоречащие брахманской ортодоксии, разделяет и А. Бхарати [Bharati 1975: 79].

Тара – богиня-спасительница

Если термин «чиначара», скорее всего, не имеет отношения к религиозным практикам, распространенным на Тибете и в Китае, то с божеством, которое почитается на пути чиначары, дело обстоит несколько сложнее. Многие исследователи полагают, что богиня Тара, культу которой, как уже было сказано, посвящена ЧЧТ, скорее всего, была первоначально буддийским божеством, и только позже ее культ переходит в индуизм. Само имя богини на санскрите означает «звезда», но также «спасительница; защитница; переправляющая через что-либо». Такое же имя носят два персонажа индуистской мифологии: 1) супруга Валина, царя обезьян, убитого Рамой; 2) супруга Брихаспати, ставшая возлюбленной бога Луны Сомы [Apte 1988: 238; Bhattacharyya 2005: 109; Monier-Williams 2015: 443]. Бхаттачарья сравнивает это имя с именами великих богинь-матерей Ближнего Востока: Иштар, Астартой и Астарот [Bhattacharyya 2005: 109]. Впервые Тара упоминается в романе Субандху «Васавадатта» (VI-VII в.), и именно в буддийском контексте [Кинсли 2008: 123; White 1996: 64]. Также имя Тары встречается в аюрведическом тексте «Аштанга-санграха», который, по мнению Д. Уайта, был составлен в Уджджаини в VI в. [White 1996: 64]. Самое же раннее упоминание Тары в эпиграфике относится к 778 г. (надпись Нагари на острове Ява) [Shastri 1998: 8]. Несомненно, что ее образ возник раньше, в первой половине I тыс. н. э. В текстах хиньяны Тара вообще не упоминается, в махаяне ее культ занимает незначительное место, зато в ваджраяне (тибетском буддизме) он обладает огромной популярностью [Мяль 1992: 494]. К. К. Дасгупта замечает, что Тара в тибетском буддизме столь же значима, как и Дурга в индуизме [Dasgupta 1960: 115-116]. Тара изображается как прекрасная молодая женщина, являющаяся воплощением беспредельного сострадания и спасающая в опасных ситуациях своих почитателей. Она принадлежит к семейству дхьяни-будды Амогхасиддхи, но также связывается с бодхисаттвой Авалокитешварой, который относится к семейству дхьяни-будды Амиабхи. Согласно одному из преданий о происхождении этого женского божества, она появилась на свет из слезы Авалокитешвары, оплакивавшего страдания всех живых существ. В тибетском буддизме Тара известна с VIII в. Именно в это время буддизм приходит в Тибет из Индии [Кинсли 2008: 123-125].

Однако у Тары, наряду с такими ее благостными формами, как Белая Тара (ее воплощением буряты-ламаисты объявили российскую императрицу Екатерину II) и Зеленая Тара, выделяются и грозные формы (всего известна 21 ипостась

богини) [Мялль 1992: 494]. Среди них есть и такая интересующая нас форма, как Угратара (букв. «ужасная Тара»), или Махачинатара, о которой идет речь в трех текстах тибетского буддизма, относящихся к XI в.: «Садханашатике», «Садханашатапанчашике» и «Садханамале». Богиня здесь описывается как стоящая на трупе в позе пратьялидха (pratyaliḥa), то есть с вытянутой левой ногой и согнутой правой. Она имеет четыре руки и в своих правых руках держит меч и ножницы, а в левых – синий лотос и чашу из черепа (karala). У нее темная кожа и выступающий живот, а также внушающие страх клыки, три глаза и высовывающийся язык. На единственном узле медно-рыжих волос восседает Акшобхья, один из пяти будд мудрости в ваджраяне. Богиня в качестве одежды носит шкуру тигра, а украшениями ей служат восемь змей, гирлянда из отрубленных голов на шее и пять изделий из кости, именуемых панчамудра. Дополняет ее образ беспрестанный громкий хохот [Кинсли 2008: 128; В?hnmann 1996: 472-473].

Это же описание воспроизводится в индуистской ПкТ (11.29(2) –33) [Phe?kari?i-tantra 2018: 108], которую А. Бхарати по неизвестной причине относит к XIII в. [Bharati 1975: 60]. Бюнеманн полагает, что это самое раннее упоминание о Таре именно в индуистских источниках, но она, возможно, не права: в КП, которую разные исследователи относят ко времени с IX по XIV вв. [Biernacki 2007: 158; Ка?lika?puga??a 1991: 58], упоминается Угратара (81.1–28), о чем у нас еще пойдет речь.

Затем такое же описание, пусть с небольшими изменениями, появляется в более поздних текстах индуистского тантризма. Среди них – компендиумы «Мантрамаходадхи» (1589 г., автор – Махидхара), «Тантрасара» (1670 г., автор – Кришнананда Агамавагиша), «Тарабхактисудхарнава» (вторая половина XVII в.), БНТ (2.43–50) (XVI–XVIII вв.), «Шакта-прамода» (XVII в.), «Шривидьярнаватантра» (XVII в., автор – Видьяранья Яти) и «Пурашчарьярнава» [В?hnmann 1996: 474]. При этом, однако, иконографическое описание Тары отсутствует в НилаТ и ЧЧТ [Ibid.: 476].

В индуистских текстах Акшобхья интерпретируется как форма Шивы, а также он выступает провидцем (??i) мантры Угратары. Труп, который лежит под ногами богини, также считается Шивой [Ibid.: 479]. Д. Уайт полагает, что Акшобхья и Тара в их индуистской форме появились в X в. [White 1996: 70].

В индуистском тантризме выделяется три основные формы Тары, помимо уже упомянутой Угратары, это также Экаджата и Ниласарасвати («темная

Сарасвати»). При этом ТТ (5.19) утверждает, что великая богиня Тара, в сущности, одна и только из-за различий имен и мантр выступает в трех ипостасях (ekaika hi mahadevi namamantra? tridha bhavet) (см. также: [Dik?it 2014: 19, 35; Shastri 1998: 2]).

Согласно ШСТ (IV.5.47–48), относящейся ко второй половине XVI – первой половине XVII вв. [Bhattacharyya 2005: 87; Goudriaan 1981: 69], Угратара появилась на свет «в стране чинов, во всенаполняющем великом океане» (visva-vuara-ka-toye tu cina-dese). Д. Уайт в связи с этим указывает на существование морских связей Индии и Китая и на то, что первоначально Тара могла быть богиней-покровительницей мореплавателей [White 1996: 64]. По мнению Шастри, впоследствии эта функция богини была метафорически переосмыслена как роль спасительницы из океана перерождений [Shastri 1998: 16–18].

В этой же тантре рассказывается о происхождении другой формы Тары – Ниласарасвати. Эта богиня происходит из пламени, изошедшего из верхних уст Шивы и упавшего в воды мифического озера Чола у западного подножия космической горы Меру. Х. Шастри полагает, что речь идет о некоем озере на территории Тибета [Shastri 1998: 15]. В это время Шива пребывал на северном берегу озера в образе Акшобхьи. Он первым стал recитировать ее мантру и благодаря этому стал провидцем данной мантры. Именно милостью Ниласарасвати Брахма смог возвестить четыре Веды (IV.5.141–146) [S?aktisa?gama-tantra 2012(b): 92, 206–207]. CaT относит почитание Тары к северному потоку откровения (uttaramnaya) [Shastri 1998: 8].

Также ШСТ содержит главу, именуемую «Махачина-крама» (II.21), чье содержание перекликается с ЧЧТ. Здесь также утверждается, что махачина-крама бывает двух видов: «содержащая части» (sakala) предназначена для буддистов, а «не имеющая частей» (ni?kala) – для брахманов (II.21.3–4) [S?aktisa?gama-tantra 2014: 221–230]. А Бхарати пересказывает содержание этой главы в своей работе «Тантрическая традиция» [Bharati 1975: 75–78].

Тара, почитаемая в индуистском тантризме, явно сближается с Кали. Подобно Кали, она обнажена и имеет черный или темно-синий цвет кожи, а ее атрибутами являются высунутый язык, гирлянда из отрубленных голов и пояс из отрубленных рук; подобно Кали, Тара обитает на шмашане [Кинсли 2008: 123–125, 131]. Вместе с Кали она входит в известную группу десяти махавидий, и если Кали занимает в списках махавидий первое место, то Тара – второе [Кинсли 2008: 136; Shastri 1998: 1]. Согласно ЙТ (I.2.15), в Кали, Таре и Чхиннамасте

следует видеть единую сущность, разделяющий же их попадает в ад. БНТ (8.119) отождествляет Кали, Тару и Анируддха-Сарасвати.

В то же время Тара иногда предстает и в более благостном обличье. В НилаТ (31.12–18, 21–23) богиня описывается как предводительница множества юных прекрасных лодочниц, катающихся на украшенных драгоценностями лодках во всех направлениях по озеру, наполненному нектаром [Кинсли 2008: 140; Shastri 1998: 6].

По мнению Х. Шастри, богиня Тара имеет буддийское происхождение, а чиначара («китайский путь поклонения») тождественен махаяне [Ibid.: 12], что совершенно не верно: в любом случае махаяну нельзя смешивать с ваджраяной. Далее, он считает, что культ Тары проник в Индию через Непал и распространился не только в различных местностях Индостана, но и вместе с индийскими купцами достиг острова Ява. Возникновение этого культа он относит к V в., а его расцвет – к VII в. [Ibid.: 21, 23]. К. К. Дасгупта высказывает мнение, что культ Тары – это исконный индийский культ, и в доказательство ссылается на присутствие изображений Тары в знаменитых пещерах Эллары, причем эти изображения датируются VI в. [Dasgupta 1960: 117]. Более того, согласно его гипотезе, Тара была первоначально именно индуистской богиней, образ которой заимствовали буддисты [Ibid.: 120, 126], но никаких серьезных доказательств не приводит. Дасгупта также указывает, что культ Тары распространился до Японии и Монголии [Ibid.: 123], а на Яву он проник через Бенгалию [Ibid.: 126]. Бхаттачарья предполагает, что культ Тары сначала перешел из Индии в Тибет и Китай, а затем вернулся на свою историческую родину, повлияв на трансгрессивные практики вамачары [Bhattacharyya 2005: 110]. Д. Уайт ссылается на тибетское предание, согласно которому культ Тары пришел на Тибет из Непала в VII в., то есть позже, чем самые ранние упоминания о ней в индийских источниках. К распространению почитания Тары на Тибете и в Китае был причастен великий буддийский философ и алхимик Нагарджуна. По мнению Д. Уайта, это делает несостоятельным противоположное утверждение, что Нагарджуна принес культ Тары из Тибета [White 1996: 65, 69].

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/svyaschennyy-tekst_/chinachara-tantra

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)